

в душе, вынуждены немедленно признать, что материя не лишена формы, а облечена в некие формы, при помощи которых может нечто породить, и, следовательно, душа телесна, если она может быть создана или разрушена чем-то телесным. А это, вне сомнения, ложно. Нет недостатка и в таких, которые измышляют, что материя неизбежно влечет ко злу. Они немедленно опровергаются тем, что они представляют некую силу самой материи, конечно, не имеющей никакой силы; часто души, даже и против желания тела, обращаются к бестелесным благам». ⁴¹ Для Фичино, воспитанного в духе античных натурфилософских понятий, материя представлялась пассивной. Исходя из этого представления о материи, Фичино противопоставляет пассивности материи активность души, пользуясь этим как доказательством против «измышляющих», что «материя неизбежно влечет ко злу». Он пользуется античным учением о нравственной свободе, или, иначе, учением о самовластии души: «Третье мнение, созвучное платоникам, что есть два начала, вызывающие изменения: одно — активное, т. е. душа, начинающая свои изменения из самой себя; другое начало пассивное, т. е. материя, способная принимать различные формы, (нечто) необходимое, подчиненное формам, способным изменяться. Всемирный закон таков, что душа, входя в сношения с материей, постоянно полная суетных дел, чаще сама направляет свой путь от неизменного блага к благам переменчивым. А такое обращение — грех и зло, хотя материя и не принуждает к этому. Это всемирный закон часто так приравнивает одни обстоятельства к другим. Поэтому не называя дурной природу материи, если ты признаешь ее необходимой в мире». ⁴² Ссылаясь на «мнение, созвучное платоникам», как на источник, Фичино высказывает принцип самовластии души, дважды называя его «всемирным законом». Дело в том, что именно этот принцип был положен гуманистами в основу их учения о независимости, свободе и достоинстве человека.

Новое учение о человеке, разработанное гуманистами и отметившее собой целую культурную эпоху, определило и другую теорию гуманистов — их теорию о благе и любви как всемирном законе. Гуманисты, подчеркившие со всей энергией, на какую только были способны, значение индивидуальности, понимали под индивидуальным человеком не бесстрастного самосозерцателя, а человека общественно активного.

По ставшей классической характеристике Энгельса, люди Возрождения «почти все живут в самой гуще интересов своего времени, принимают живое участие в практической борьбе, становясь на сторону той или иной партии, и борются кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим вместе. Отсюда та полнота и сила характера, которые делают их цельными людьми». ⁴³ Из общественных интересов гуманистов вытекало их учение о благе, любви, единении. О любви как универсальном принципе бытия много пишет и Марсилиус Фичино, привлекая сочинения Псевдо-Дионисия и на этот раз. Фичино переводит: «Говорим ли мы о любви божественной, или ангельской, или умственной, или душевной, или природной, мы станем подразумевать некую силу, объединяющую и сливающую, побуждающую высших заботиться о низших, находящихся на одном положении помогать друг другу; силу, призывающую низших обратиться к высшим». ⁴⁴

Фичино определяет любовь как силу союза и единения: «Когда учитель Дионисий вместе с Иерофеем называют любовь силой, я понимаю (под

⁴¹ Marsilius Ficino, стр. 61.

⁴² Marsilius Ficino, стр. 61. (Здесь и ниже разрядка моя, — А. К.).

⁴³ Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, 1952, стр. 4

⁴⁴ Marsilius Ficino, стр. 49.